

УДК 930(73):008"12/14"

П.О. КРИСТЕЛЛЕР И ПРОБЛЕМА МЕДИЕВАЛИЗАЦИИ РЕНЕССАНСНОЙ КУЛЬТУРЫ

А.А. Зайцев

Аннотация

В работе исследованы некоторые аспекты концепции ренессансной культуры известного американского историка и философа П.О. Кристеллера (1905–1999). Они рассматриваются в контексте проблемы медиевализации ренессансной культуры, характерной для участников «бунта медиевистов». Затрагиваются основные проблемы концепции, раскрываются некоторые особенности методологии подхода П.О. Кристеллера к ренессансной культуре.

Ключевые слова: П.О. Кристеллер, история культуры, историография, методология, медиевализм, культура Возрождения.

Историческая наука XX века предлагает разнообразные подходы к изучению Средневековья и Ренессанса, к проблеме соотношения различных аспектов их культур. Известно, что в исследовании Ренессанса существуют две основные тенденции, две линии интерпретации, которые были заложены ещё во второй половине XIX в. Об этом как о само собой разумеющемся говорил ещё Э. Кассирер [1, с. 206–207]. При изучении культуры Ренессанса на современном этапе по-прежнему должны учитываться взаимоотношения этих двух традиций. Особое значение данное обстоятельство приобретает в связи с тем, что в последнее время в исторической науке взаимодействие средневековой и ренессансной культур зачастую рассматривается в контексте так называемой медиевализации.

Медиевализация культуры, как правило, означает принятие ею (или навязывание ей, если культура рассматривается как субъект процесса) черт, свойственных типичной средневековой культуре. Применительно к ренессансной культуре как объекту исторического исследования данный феномен представляет собой либо «опрокидывание» ренессансной культуры назад (см. [2]), либо продление проявлений непосредственно средневековой культуры до XVI – XVII вв. (в таком случае принято говорить о так называемом долгом средневековье). Иногда Ренессансу в некотором смысле даже отказывают в какой-либо самобытности. Например, Э. Жильсон провозглашает XIII век веком триумфа гуманизма и выводит следующее определение Ренессанса: «Ренессанс не есть Средние века плюс человек, но Средние века минус Бог» [3, с. 46].

В советской историографии проблему определения сущностных черт культуры Ренессанса решали ряд исследователей: В.Н. Лазарев, Л.М. Баткин,

А.Х. Горфункель, А.Ф. Лосев и др. Поскольку в отечественной науке главенствующая тенденция в определении сущности Ренессанса в целом являлась продолжением линии Буркхардта, идеи, порождённые «бунтом медиевистов», находили в основном лишь критику и чаще всего отвергались. В связи с этим можно отметить некоторую одномерность восприятия Ренессанса в российской науке советского периода и даже последних десятилетий.

Отечественным исследователям необходимо обратить внимание на опыт зарубежной историографии, поскольку дискуссия сторонников и противников медиевализма об интерпретации сущности ренессансной культуры получила за границей более полное развитие. Обращение к зарубежной историографии в российской традиции ренессансоведения носит обязательный характер. Восприятием европейской историографической классики, постоянным диалогом с немецкими и французскими исследователями характеризовалась и дореволюционная наука. Ярким примером является работа М.С. Корелина [4]. А.К. Дживелегов прямо говорит, что «трудно быть оригинальным после Буркхардта, Фойхта, акад. Веселовского, Жебара, Монье» [5, с. 5].

Продолжателями подходов дореволюционных исследователей становятся М.А. Гуковский, В.Н. Лазарев, В.И. Рутенбург и др. В целом они повторяют общую концептуальную оценку Возрождения в сугубо положительном, оптимистическом ключе, отстаивая данную позицию в постоянной полемике с некоторыми западными исследователями. К примеру, В.Н. Лазарев в статье «Проблема Ренессанса и её фальсификация в буржуазной науке эпохи империализма» [6] выражает явно критическое отношение к идее медиевизации Ренессанса и попыткам отождествить ранний Ренессанс с готикой. Само название статьи свидетельствует об отказе Лазарева признавать научное значение идей «фальсификаторов». В то же время именно в этой статье упоминается имя американского историка, оказавшего огромное влияние на формирование науки о Ренессансе в США во второй половине XX в., – П.О. Кристеллера.

П.О. Кристеллер – известный учёный, занимавшийся исследованием истории Ренессанса, «ученик, протеже и коллега целого ряда великих умов XX столетия» [7, р. X]. Его концепция Ренессанса и гуманизма известна, о ней не раз упоминали в своих работах отечественные историографы [8, с. 3; 9, с. 46–47]. Так, в трудах российских исследователей мы встречаем отсылки к большинству его работ, посвящённых Ренессансу, однако они носят фрагментарный характер, а из числа его разработок рассматриваются в основном определение Ренессанса и характеристика ренессансного гуманизма. Такие аспекты концепции Ренессанса Кристеллера, как своеобразие методов фактологического анализа, его методологическая аргументация, а также некоторые другие не становились объектом специального изучения.

Одна из первых работ П.О. Кристеллера, связанных с культурой Ренессанса, посвящена философии М. Фичино как характерному примеру возрождения неоплатонизма. Вообще же работы П.О. Кристеллера по культуре Ренессанса можно разделить на несколько групп: труды, посвящённые историческим персоналиям; работы обобщающего характера, содержащие концептуальные выводы в предельно концентрированной форме; исследования по конкретным историческим и историко-философским проблемам, в том числе чисто философские эссе; работы

по методологии исторического познания. Во всех работах поднимается проблема культурной преемственности, проблема восприятия и адаптации культурного наследия.

П.О. Кристеллер учился у Э. Кассирера и М. Хайдеггера, Г. Риккерта и К. Ясперса. Сам он говорит о том, что на становление его как историка огромное влияние оказали творчество Ч. Хоскинса и Л. Торндайка, деятельность Американской академии средневековой истории и «бунт медиевистов», заставившие его обратиться к созданию концепции, которая принимала бы во внимание законное недовольство медиевистов [10, р. 3]. По П.О. Кристеллеру, в 30-е годы XX в. на Западе концепция Ренессанса, провозглашённая Я. Буркхардтом и Г. Фойгтом, ещё воспринималась в качестве основной [10, р. 2]; в отечественной историографии этого же периода именно она получила дальнейшее развитие. Однако в Европе существовала старинная традиция, согласно которой изучение средневековой философии и культуры происходило в контексте университетской теологии. П.О. Кристеллер получил именно классическое образование, основанное на знании древних языков и античной литературы, поэтому идеи таких исследователей, как Л. Торндайк и некоторых других, были восприняты им положительно и заставили искать компромисс во взаимодействии двух направлений.

Определённые аспекты взаимоотношения Средневековья и Ренессанса в концепции П.О. Кристеллера можно рассмотреть на материале ряда работ, в которых содержатся его поздние, во многом итоговые выводы. Проблематика интересующих нас исследований – соотношение эпохи средневековья и Ренессанса, сходство которых обусловлено отсутствием в них элементов современной цивилизации [11, р. 109]. П.О. Кристеллер стремится отобразить своеобразную схему культуры рассматриваемого периода. В центре его внимания – традиции обучения, преподавания, культурной трансляции (латинский язык, риторика, свободные искусства и философия). Через рассмотрение организации интеллектуальной сферы он выходит на проблему мировоззрения, свойственного человеку Ренессанса.

В работе «Ренессансная философия и средневековая традиция» П.О. Кристеллер представляет целую систему взглядов на взаимодействие культурных традиций в рамках интересующей его эпохи. Он обращает внимание не столько на оригинальные, новаторские элементы, привнесённые ренессансной философией, сколько на изменения в традиционных направлениях мысли. В первую очередь он указывает на усиление влияния классики, менее заметного в прежний период, новые подходы к интерпретации хорошо известных источников (например, Августина), новое выражение некоторых уже известных элементов средневековой традиции, а также их перестановку с тем, чтобы они выглядели как нечто новое [11, р. 109]. Однако, как метко замечает Г. Барон, эта работа даёт одновременно и больше, и меньше, чем обещает, поскольку речь в ней идёт не только о философии, но при этом почти игнорируется системный подход к развитию культуры и отсутствует объяснение причин её трансформаций от средневекового состояния к ренессансному [12, р. 575]. Конечно, П.О. Кристеллер ставит вопрос о причинах изменений, но они предстают во внеисторическом измерении. Ясно, что смена поколений, усвоение или отторжение традиций и ценностей, актуализация и деактуализация тех или иных элементов

лежат в основе изменений системы культуры, однако автор не разрешает проблему специфики названных выше процессов, при этом слабо учитывая и иные факторы исторического процесса. Несмотря на то что в более ранней работе (написанной на основе лекции 1944 г.) П.О. Кристеллер говорит о взаимодействии культурных центров Италии, Франции и других стран, об экономическом, политическом и технологическом развитии, сформировавшем в Италии XII – XIII вв. особую среду [13, р. 87], в конечном итоге главной для него является внутренняя логика развития интеллектуальной культуры.

В раннесредневековой культуре, по П.О. Кристеллеру, риторика и грамматика занимают важное место [11, р. 111], то есть в первую очередь им оценивается её научный, интеллектуально формализованный компонент. Эпоха университетов означает упадок классических штудий каролингского и посткаролингского времени, однако ранние гуманисты возобновляют эту школьную традицию [11, р. 112]. Таким образом, гуманизм оказывается особенно глубоко укоренённым в Средневековье, возрождая сугубо традиционную форму деятельности, пусть и на новом витке развития. Аристотелизм также развивается в своём традиционном направлении (физика и логика), однако параллельно гуманистическая традиция выводит на первый план этику, риторику и поэтику [11, р. 128]. В то же время гуманизм обращается к греческому наследию, возникают новые переводы Платона, изменяется содержание риторических штудий.

О том, что никто не задаётся вопросом о вкладе Фомы Аквинского в итальянский Ренессанс, сокрушался некогда Э. Жильсон [3, с. 45]. П.О. Кристеллер в известной степени восполняет эту лауну. Фома Аквинский адаптирует Аристотеля к современной ему идеологии, в последующем аристотелизм находит своё развитие в работах теологов XIV – XV вв. и выступает в виде фундаментальной категории ренессансной культуры. Таким образом, само по себе развитие ренессансной идеологии повсеместно происходит на фоне становления толизма и аристотелизма.

Особое внимание в работах П.О. Кристеллера уделено проблеме влияния духовных орденов на ренессансную культуру. Согласно П.О. Кристеллеру, ордена развивают теологию в XIII – XIV вв., в течение XV – XVI вв. основные комментаторы отцов церкви и античных классиков – это доминиканцы и представители других нищенствующих орденов, а позже – иезуиты. Даже Эразм Роттердамский, Лютер и Бруно начинали как духовные лица, что во многом повлияло на их дальнейшую деятельность [14, р. 104]. Доминиканец Т. Кампанелла – платоник, августинец А. Фландино, критиковавший Лютера и Помпонаци, – платоник [14, р. 114]. Действительно, картина, представленная П.О. Кристеллером, впечатляет. Церковная организация буквально вездесуща, а её влияние, пусть даже опосредованное или негативное, сложно переоценить, то есть клерикальная составляющая ренессансной культуры оказывается для П.О. Кристеллера необходимой. Он формирует подобную концепцию в виде некоей антитезы светским концепциям гуманизма, политически и граждански ориентированного. Тем не менее этот акцент локален, он носит дополняющий характер, не отрицая прямо важности и правомерности альтернативных точек зрения.

Фигура М. Фичино, восстанавливающего неоплатоническую философию, в концепции П.О. Кристеллера стоит особняком. М. Фичино часто изображают

либо еретиком (поскольку он развивал эпикурейские и стоические идеи, актуализировал наследие Платона), либо своеобразным мракобесом, который свернул с пути светского гуманизма и занялся мистикой. Творчество М. Фичино, таким образом, является ярким примером назревающего кризиса Возрождения. Однако, согласно П.О. Кристеллеру, М. Фичино – безусловный христианин, каноник Флорентийского собора, написавший трактат «О христианской религии» в традиционном ключе отцов церкви [15, р. 48]. Таким образом, на его примере можно наблюдать, как трансформируется сама религиозность, а платонические штудии оказываются частью религиозной составляющей культуры.

Понятие гуманизма, центральное для многих оппонентов П.О. Кристеллера, им самим определяется в институциональном, отраслевом ключе [16, р. 140]. При обосновании подобного определения гуманизма П.О. Кристеллер даже говорит о позитивном воздействии на культуру Ренессанса иезуитов, поскольку иезуиты способствовали развитию школ, университетов, библиотек (а значит, и своеобразной ренессансной учёности). В данном случае через формальные, организационные моменты и чисто институциональный подход многие оппозиционные мыслители оказываются как бы в рамках единой организации, единой структуры, безо всякого различия их роли в развитии мировоззрения эпохи, его скептических и светских элементов.

Само слово «прогресс» у П.О. Кристеллера часто дается в кавычках. Он имеет свои границы и заставляет расплачиваться за свои плоды потерей ценного, незаслуженно забываемого. Поэтому одна из задач истории – изучение, восстановление, реконструкция этого наследия. Вообще же, ценности имеют огромное значение, если это универсальные ценности, которые безусловно можно восстановить, выявить в прошлой эпохе.

Почти всегда рассуждение о Ренессансе у П.О. Кристеллера осуществляется через сопоставление традиций, имеющих типично средневековый характер, и элементов современного мира. Специфически ренессансное, таким образом, в первую очередь заключается в этом трудноуловимом сочетании средневековых традиций и нововременных элементов.

В отечественной историографии распространена точка зрения, согласно которой П.О. Кристеллер занимает промежуточную позицию между последователями Я. Буркхардта и медиэвалистами. Похожим образом Л.М. Баткин стремится совместить подходы П.О. Кристеллера и Э. Гарена. П.О. Кристеллер называет гуманизмом область профессиональной деятельности примерно между 1280 г. и 1600 г. (преподавание и изучение курсов грамматики, риторики, поэзии, истории и моральной философии, отличных от программ квадривиума и университетского образования). Таким образом, П.О. Кристеллер, по Л.М. Баткину, описывает «тело» гуманизма. Э. Гарен же под гуманизмом подразумевает всестороннее миропонимание, то есть говорит о его «душе» [8, с. 13]. Л.М. Баткин считает, что на раннем этапе истории гуманизма себя оправдывает первый подход, на более позднем – второй. Однако в небольшой работе о Л. Валла П.О. Кристеллер рассуждает так же, как Л.М. Баткин: «Гуманизм не окончился в XVI веке, наоборот, он проникает во все сферы цивилизации, не заботясь о религиозных и профессиональных различиях. Эразм Роттердамский, Монтень, Липсий – типичные гуманисты XVI века» [17, р. 36]. В конечном итоге

гуманизм понимается П.О. Кристеллером намного шире, чем принято считать в отечественной историографии, при этом значение профессиональной ориентации и чисто организационные моменты применительно к раннему гуманизму действительно характеризуются им как определяющие.

Примирение историографических оппозиций, осуществляемое П.О. Кристеллером, на самом деле относительно. Оно происходит через реконструкцию анатомии гуманистической традиции, через акцентирование и чёткое обозначение преемственности в ключевых, по мнению исследователя, сферах ренессансной культуры. При этом им однозначно постулируется самобытность Ренессанса, которая фактически утверждается от обратного, методом исключения, через определение гуманизма как сферы профессиональной деятельности и через специфически понимаемые религиозность и ценности.

Таким образом, становится понятно, почему в советской науке в целом концепция П.О. Кристеллера, за исключением отдельных её положений, не получила достаточного освещения. Однако анатомия гуманизма, представленная П.О. Кристеллером, вполне самобытна и заслуживает внимания исследователей ренессансной культуры так же, как и многие другие составляющие его концепции, поскольку они удачно дополняют концепции как зарубежных (Г. Барон, Ч. Тринкаус), так и отечественных (А.Ф. Лосев, А.Х. Горфункель) историков.

Summary

A.A. Zaitsev. P.O. Kristeller and the Medievalization of the Renaissance Culture.

The article is devoted to some aspects of the concept of Renaissance culture developed by a famous American historian and philosopher P.O. Kristeller (1905–1999). These aspects are considered in the context of medievalization of the Renaissance culture, which was characteristic for the “revolt of the medievalists”. The work touches upon the main problems of Kristeller’s conception and reveals some methodological peculiarities of his approach to the Renaissance culture.

Key words: P.O. Kristeller, cultural history, historiography, methodology, medievalism, Renaissance culture.

Литература

1. *Кассирер Э.* Индивид и космос в философии Возрождения // Э. Кассирер. Избранное: индивид и космос. – М., СПб.: Унив. кн., 2000. – С. 7–226.
2. *Haskins C.H.* The Renaissance of the Twelfth Century. – Cambridge, MA; London: Harvard Univ. Press, 1927. – 437 p.
3. *Жильсон Э.* Средневековый гуманизм и Ренессанс // Нов. Европа. – № 8. – 1996. – С. 35–48.
4. *Корелин М.С.* Ранний итальянский гуманизм и его историография: в 4 т. – СПб., 1914.
5. *Дживелегов А.К.* Творцы итальянского Возрождения: в 2 кн. – М.: ТЕРРА – Кн. клуб; Республика, 1998. – Кн. 1. – 352 с.
6. *Лазарев В.Н.* Проблема Ренессанса и ее фальсификация в буржуазной науке эпохи империализма // Изв. АН Арм. ССР. Отдельный оттиск. – 1951. – № 4. – 19 с.
7. *Monfasani J.* Preface // Kristeller Reconsidered: Essays on his Life and Scholarship / Ed. by J. Monfasani. – N. Y.: Italica Press, 2006. – P. IX–XV.

8. *Баткин Л.М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
9. *Брагина Л.М.* Итальянские гуманисты XV в. о культурно-исторических традициях Средневековья // Культура Возрождения и Средние века: Сб. ст. – М.: Наука, 1993. – С. 42–51.
10. *Kristeller P.O.* Introduction // Renaissance Thought and its Sources. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1978. – P. 1–14.
11. *Kristeller P.O.* Renaissance Philosophy and Medieval Tradition // Renaissance Thought and its Sources. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1978. – P. 106–133.
12. *Baron H.* Review: Renaissance Philosophy and the Medieval Tradition by P.O. Kristeller // Am. Hist. Rev. – 1968. – V. 74, No. 2. – P. 575–576.
13. *Kristeller P.O.* Humanism and Scholasticism in the Italian Renaissance // Renaissance Thought and its Sources. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1978. – P. 85–105.
14. *Kristeller P.O.* The Contribution of Religious Orders to Renaissance Thought and Learning // Medieval Aspects of Renaissance Learning. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1992. – P. 95–114.
15. *Kristeller P.O.* Ficino // Eight philosophers of the Italian Renaissance. – Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1964. – P. 37–53.
16. *Kristeller P.O.* The Medieval Antecedents of Renaissance Humanism // Eight philosophers of the Italian Renaissance. – Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1964. – P. 147–165.
17. *Kristeller P.O.* Valla // Eight philosophers of the Italian Renaissance. – Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1964. – P. 19–36.

Поступила в редакцию
17.01.11

Зайцев Александр Александрович – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: alex-ql@yandex.ru